M 76
785

№ 113.

М 76/785

ЗНАМЕНИТЫЙ РУССКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

Подъ редакціей *Ѳ. А. Тарапынина.*

Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

Съ двумя рисунками.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Изданія Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній М. Н. П.

(С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, 14).

I. Отдѣлъ религіозно-нравственный.

Чему училъ Іисусъ Христосъ 8 к. Слава Его на землѣ 8 к. Уничиженіе Его на землѣ 8 к. Церковь со временъ Апостоловъ 15 к. Божія Матерь 10 к. Богослуженіе 10 к. В. постъ 8 к. Василій В. 6 к. Григорій Богословъ 6 к. Іоаннъ Златоустъ 6 к. Николай Чудотворецъ 8 к. Ксенофонтъ и Марія 8 к. Кириллъ и Меѳодій 8 к. Стефанъ Пермскій 5 к. Св. Митрофанъ 5 к. Димитрій Ростовскій 5 к. Св. Тихонъ 6 к. Ѳеодосій Углицкій 8 к. Трифонъ 10 к. Св. Нина 6 к. Іоаннъ Дамаскинъ 3 к. Алексѣй человѣкъ Божій 5 к. Серафимъ Саровскій 10 к. Митр. Платонъ 5 к. Иннокентій 10 к. Св. земля 12 к. Богомольцы въ Св. Землѣ 20 к. Богомольцы на Синаѣ 12 к. Богомольцы у святынь Кіева. Лавра 15 к. Тоже. Старый Кіевъ 10 к. Троицко-Сергіева лавра 10 к. Почаевская лавра 8 к. Валаамская обитель 8 к. Бѣлозерскій монастырь 8 к. Соловецкая обитель 8 к. Н. Іерусалимъ 8 к. Борисоглѣбскій монастырь. 5 к. Ростовъ и его святыни 15 к. Святыни Вильны 10 к. Московскій кремль 7 к. Святыни Чернигова 6 к. Старецъ Амвросій 7 к. Святыни Новгорода. 15 к. Назначеніе женщины 15 к. Храмъ Воскресенія Христова 8 к.

II. Отдѣлъ историческій.

Начало христіанства на Руси 6 к. Сыновья Владиміра 6 к. Владиміръ Мономахъ 10 к. Нашествіе татаръ 7 к. Александръ Невскій 7 к. Мамаево побоище 8 к. Іоаннъ III 10 к. Елена Іоанновна 10 к. Іоаннъ Грозный 10 к. Начало книгопечатанія 5 к. Смутное время 12 к. Патріархъ Филаретъ 8 к. Михаилъ Ѳеодоровичъ 6 к. Алексѣй Михайловичъ 6 к. Присоединеніе Малороссіи 7 к. Петръ Великій 25 к. Чему училъ Петръ В. народъ 8 к. Преемники Петра В. 10 к. Екатерина II 7 к. Суворовъ 8 к. Потемкинъ 8 к. Александръ I 8 к. Народная война 20 к. Николай I 8 к. Севастопольцы 8 к. Уніаты 15 к. Александръ II 15 к. Походъ въ Турцію 78 г. 15 к. Александръ III 7 к. Милость Божія 5 к. Свящ. Коронованіе 5 к. Петербургъ за 200 лѣтъ 15 к. Движеніе Россіи на Д. Востокъ 10 к. Какъ погибъ кр. «Рюрикъ» 5 к. Крестовые походы 15 к. О театрѣ 15 к. Іоанна д'Аркъ 10 к. Христ. Колумбъ 4 к. Исторія Пруссіи 15 к. Исторія Франціи 25 к. Исторія Англіи 20 к. Червонная Русь.

III. Географія и этнографія.

А. РОССІЯ. Архангельскій край 10 к. Астраханская губ. 8 к. Бессарабія 8 к. Бѣлорусскій край 8 к. Киргизы 6 к. Волга 12 к. Вологодскій край 8 к. Восточныя окраины 10 к. Гора Араратъ 10 к. Западн. Сибирь 8 к. Кавказъ 15 к. Какъ живутъ Литовцы 6 к. Сѣверъ и его просвѣтители 8 к. Крымъ 10 к. Кубанская обл. 7 к. Ладожское озеро 10 к. Москва 25 к. Н.-Новгородъ и Нижег. край 10 к. Олонецкій край 10 к. Петербургъ 20 к. В. Сибирскій путь 8 к. Тамбовская старина 8 к. Уралъ 6 к. Финляндія 8 к. Средняя Азія 10 к.

Б. ЧУЖІЕ КРАЯ Абиссинія 10 к. Австралія 12 к. Америка 8 к. Буры 8 к. Венгрія 8 к. Греція 8 к. Голландія 7 к. Египетъ 5 к. Италія 10 к. Испанія 10 к. Индія 8 к. и др.

И 78/785

ЗНАМЕНИТЫЙ РУССКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

Подъ редакціей *Ѳ. А. Тарапыгина.*

Изданіе учрежденой по Высочайшему повелѣнію
Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

Съ двумя рисунками.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ф-350

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. В. Леонтьева, Басковъ переулокъ, 4.
1911.

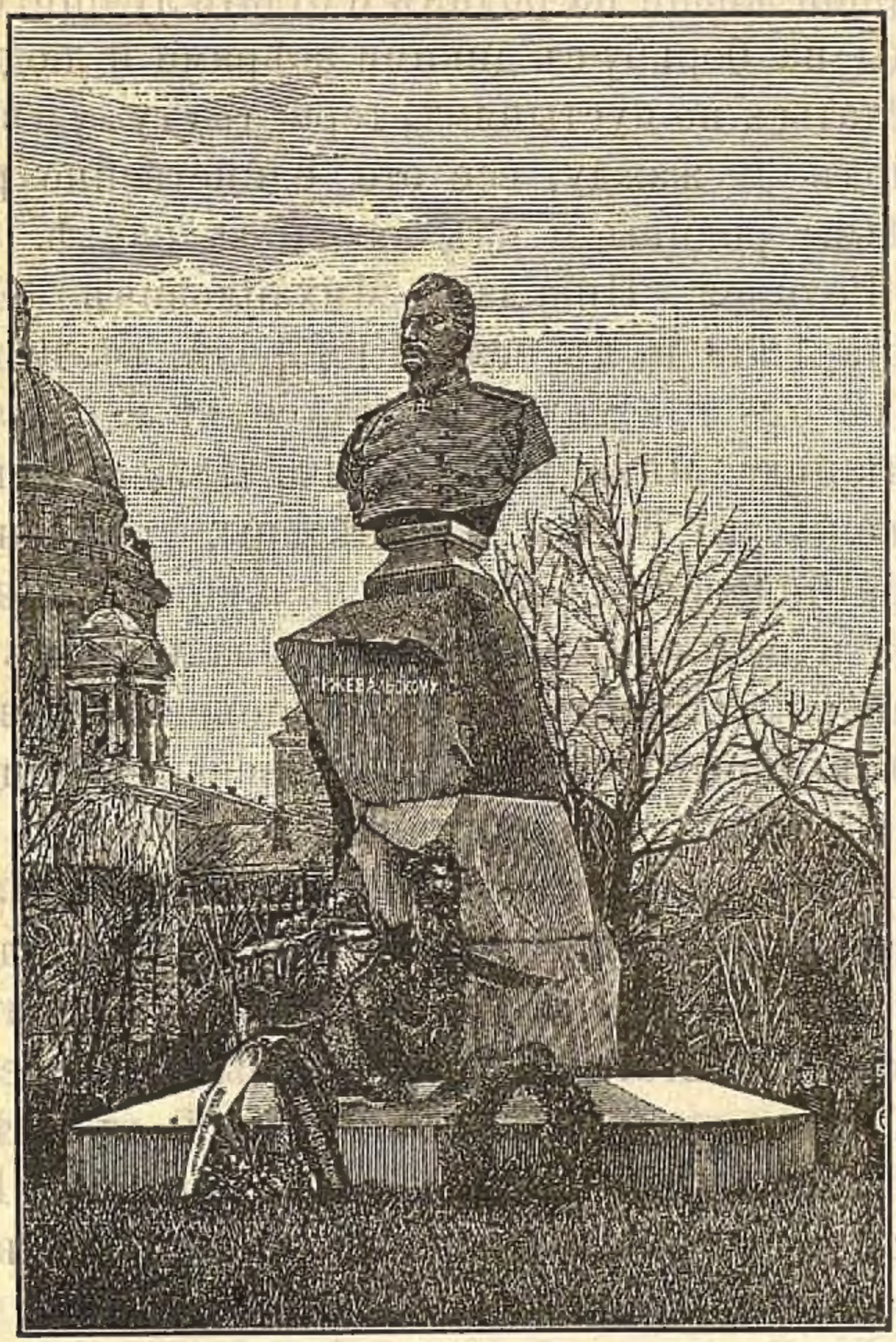
I.

Дѣтство и молодость Пржевальскаго.

Въ Петербургѣ на одной изъ лужаекъ Александровскаго сада стоитъ памятникъ. У подножія гранитной скалы лежитъ навьюченный какъ бы въ дальній путь верблюдъ, а на вершинѣ этой скалы—бронзовое изображеніе молодого военнаго. Умное и красивое лицо его невольно поражаетъ сочетаніемъ въ немъ необыкновенной энергіи, пытливости ума и очевидной твердости характера и силы воли, съ ясностью души и добротой сердечной. Это знаменитый русскій путешественникъ Николай Михайловичъ Пржевальскій. Не зная устали, работалъ онъ всю свою жизнь на пользу и просвѣщеніе своей родины, стремясь обогатить ее возможно большими свѣдѣніями о неизвѣданныхъ еще странахъ, и умеръ среди этого же тяжелаго труда на далекой окраинѣ, на границѣ Россіи съ чуждымъ ей до него Китаемъ.

Граница нашей страны съ китайскимъ государствомъ тянется на тысячи верстъ. Населеніе Китая, равняющееся чуть-что не четверти всего человѣчества, скучено большею частью на юго-востокѣ, въ нашемъ же сосѣдствѣ тянутся безконечныя пустыни. Страны эти долгое время были совсѣмъ не извѣданы. Недружелюбіе китайцевъ къ иноземцамъ, дикость подчиненныхъ имъ кочевыхъ народовъ, безплодныя степи, непроходимыя болота, подымающіяся выше облаковъ дикія горы и суровый климатъ обращали путешествіе по этимъ краямъ въ непрерывную борьбу и съ ихъ природой и съ дикими обитателями.

Николай Михайловичъ Пржевальскій первый проникъ въ глубь этихъ пустынь, первый прошелъ тамъ, гдѣ не ступала еще нога европейца; четыре раза пускался онъ въ путешествія; слишкомъ семь лѣтъ провелъ въ скитаніяхъ, прошелъ 29.585 верстъ, добылъ много рѣдкихъ звѣрей, птицъ и растеній и далъ цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ географическихъ свѣдѣній и изслѣдованій. Много трудностей и опасностей перенесъ онъ съ своими спутниками, и, знакомясь съ описанными имъ самимъ путешествіями, невольно проникаешься чувствомъ глубокаго уваженія передъ этимъ



Памятникъ Н. М. Пржевальскому
въ Александровскомъ саду, въ С.-Петербургѣ.

человѣкомъ. И дѣйствительно: отказаться отъ семьи, отъ круга близкихъ людей, отъ удобствъ мирной жизни на родинѣ и отдать лучшіе свои годы на борьбу съ дикими звѣрями и людьми, скитаться по пустынямъ, терпѣть стужу и зной, голодъ и жажду, все это единственно ради пользы родины и изъ любви къ наукѣ.

Родился Николай Михайловичъ 31-го марта 1839 г. въ селѣ Кимбровѣ, въ 40 верстахъ отъ г. Смоленска, въ семьѣ небогатаго помѣщика Михаила Кузьмича Пржевальскаго и жены его Елены Алексѣевны, урожденной Каретниковой. Семи лѣтъ мальчикъ лишился отца и остался съ братомъ Владиміромъ на попеченіи строгой матери и баловницы-няньки Макарьевны. Елена Алексѣевна, женщина очень умная и энергичная, сумѣла дать дѣтямъ хорошее воспитаніе и закалить ихъ здоровье. Они могли во всякую погоду выходить изъ дому и вдоволь блуждать по лѣсамъ и болотамъ, бѣгать подъ проливнымъ дождемъ, свободно играть и кататься зимой въ снѣгу. Любимымъ препровожденіемъ времени Николая — будущаго знаменитаго путешественника — было бродить по лѣсамъ и полямъ, ловить бабочекъ, собирать цвѣты и чутко присматриваться къ окружающей его жизни въ природѣ, въ мельчайшихъ ея проявленіяхъ.

Много способствовалъ развитію въ немъ этой страсти, поселившійся съ ними послѣ смерти отца, дядя—Павелъ Алексѣевичъ Каретниковъ. Страстный охотникъ, онъ быстро сдружился съ племянниками и, послѣ занятій съ ними разными науками, зачастую училъ ихъ стрѣлять и бралъ ихъ даже съ собой на охоту. Мальчикъ, можно сказать, точно родился охотникомъ. Твердость его руки и вѣрность глаза были поразительны. Не безъ вліянія остались на его пылкую натуру и разсказы его няни о подвигахъ «Ивана—великаго охотника» и о другихъ сказочныхъ герояхъ. Постоянныя скитанія по лѣснымъ дебрямъ и болотамъ, сообщивъ его организму замѣчательную физическую крѣпость, уже съ малолѣтства пріучили его къ перенесенію всевозможныхъ неудобствъ и лишеній.

Въ 1849 году братьевъ отвезли въ Смоленскъ и отдали тамъ въ гимназію. Учились они оба хорошо, и Николай шелъ всегда первымъ. Въ 1855 г., кончивъ гимназію, братъ его Владиміръ поступилъ въ университетъ, Николая же Михайловича увлекли доходившіе съ войны разсказы о геройской защитѣ Севастополя, онъ поступилъ въ рязанскій пѣхотный полкъ. На войну ему, однако, попасть не удалось: полкъ его только передвигали съ

мѣста на мѣсто, и молодой юнкеръ, испытавъ всѣ тяжести и невзгоды походной жизни, такъ и не добрался до театра войны.

Въ 1856 г. Пржевальскій былъ произведенъ въ прапорщики и черезъ годъ поѣхалъ держать экзаменъ въ Академію Генеральнаго Штаба, въ Петербургѣ. Поступивъ въ Академію, онъ все время усиленно работалъ и кромѣ академическаго курса много занимался исторіей и естественными науками. Вскорѣ послѣ окончанія академіи онъ былъ назначенъ въ Варшавское юнкерское училище взводнымъ офицеромъ и учителемъ исторіи и географіи. Со всѣмъ пыломъ молодого, дѣятельнаго человѣка отнесся онъ къ своей новой должности и всѣ свои силы прилагалъ къ тому, чтобы возбудить въ ученикахъ любовь къ наукѣ, продолжая и самъ въ то же время, въ свободные часы читать и учиться. О своихъ юнкерахъ Николай Михайловичъ заботился какъ родной отецъ и внѣ службы былъ для нихъ не начальникомъ, а любимымъ старшимъ товарищемъ. Не менѣе искренней любовью и вліяніемъ пользовался Николай Михайловичъ и среди сотоварищей-преподавателей. Многіе изъ нихъ на всю жизнь сохранили о немъ воспоминаніе какъ о блестящемъ ораторѣ, умномъ и интересномъ со-

бесѣдникѣ, высоко-нравственномъ человѣкѣ и добромъ товарищѣ, готовомъ откликнуться на всякую нужду.

Однако страсть къ путешествіямъ и научнымъ изслѣдованіямъ не давала ему покоя, а скромныя средства не позволяли путешествовать. Тогда онъ рѣшилъ перемѣнить службу на такую, которая дала бы ему возможность побывать въ неизвѣстныхъ странахъ. Въ то время только что былъ присоединенъ къ Россіи обширный Амурскій край, совсѣмъ еще не извѣданный; туда то и сталъ стремиться Пржевальскій. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. и, къ большому огорченію его учениковъ и сослуживцевъ по Варшавскому юнкерскому училищу и къ безграничной радости самого Пржевальскаго, его причислили къ Генеральному Штабу и назначили въ Восточно-Сибирскій военный округъ, въ составъ котораго входилъ и новопріобрѣтенный Амурскій край.

Прибывъ въ Иркутскъ, гдѣ былъ расположенъ штабъ округа, онъ немедленно сталъ искать случая заняться тѣмъ трудомъ, который ему былъ наиболѣе по душѣ. Вскорѣ его желаніе исполнилось: его командировали въ Южно-Уссурійскій край—самую далекую окраину русской земли на востокѣ, омываемую Японскимъ моремъ. Область эта, составляю-

щая лучшую часть при амурскихъ владѣній Россіи, въ то время являлась почти совсѣмъ неизслѣдованной и обращала на себя всеобщее вниманіе. Хотя командировка эта — со спеціально узкой цѣлью — являлась дѣломъ службы и только свободное отъ нея время можно было употребить на любимыя научныя занятія, тѣмъ не менѣе Николай Михайловичъ былъ въ восторгѣ. Дѣло это было для него привычнымъ: и служа въ полку, между караулами и ученьями, и въ юнкерскомъ училищѣ, среди занятій съ юнкерами, онъ умѣлъ находить время для своего любимаго дѣла. Сумѣлъ онъ устроиться и тутъ. Остававшееся въ его распоряженіи до выѣзда въ командировку время онъ посвятилъ изученію всѣхъ относящихся къ Уссурійскому краю матеріаловъ.

II.

Первое путешествіе.

Дорогъ и памятенъ каждому человѣку тотъ день, когда исполняются его завѣтныя стремленія, — такимъ днемъ для меня — говоритъ въ своемъ дневникѣ Пржевальскій — было 26 мая 1867 г., когда я пустился въ свое первое путешествіе.

Не легокъ былъ этотъ путь. Переправившись черезъ бурное Байкальское озеро, Пржевальскій поѣхалъ на перекладныхъ по Забайкальской области. Стоялъ май мѣсяцъ, но тѣмъ не менѣе случались частые морозы и вся земля покрывалась инеемъ. Отъ города Срѣтенска шли внизъ по рѣкѣ Амуру пароходы, но ходили они рѣдко, тихо и часто садились на мель, такъ какъ дно рѣки не было еще изслѣдовано, и нельзя было достать хорошихъ лоцмановъ. То-же случилось и съ Пржевальскимъ: не проѣхалъ онъ и ста верстъ какъ пароходъ ударился о подводный камень и пробилъ себѣ дно. Николай Михайловичъ подговорилъ тогда одного изъ спутниковъ не дожидаться починки парохода; вмѣстѣ они добыли какую то утлую ладью и самостоятельно поплыли дальше по рѣкѣ, не пропуская случая поохотиться дорогой, чтобы подстрѣлить какого-нибудь рѣдкаго звѣря или птицу, или сорвать невиданное еще дотолѣ растеніе. Вставая съ восходомъ солнца, они уже пускались въ путь, но имъ приходилось терпѣть отъ подымавшейся съ восходомъ же солнца изъ прибрежныхъ дремучихъ лѣсовъ и болотъ всякой мошкары, яростно, цѣлыми тучами, нападавшей на путниковъ. Спустившись такимъ образомъ по теченію рѣки Амура и поднявшись

по Уссури, Пржевальскій достигъ Владивостока—главнаго города Уссурійскаго края, гдѣ и остался полтора года, исходивъ весь край вдоль и поперекъ по различнымъ казеннымъ надобностямъ, не теряя въ то же время ни одного свободнаго часа даромъ. Между прочимъ ему пришлось принять здѣсь участіе въ войнѣ съ китайскими разбойниками, которые вторглись въ наши предѣлы и грабили поселенцевъ. Не прекращались его странствованія даже и зимой. Цѣлыми днями, все время пѣшкомъ, ходилъ онъ по горамъ и дремучимъ лѣсамъ, исполняя при этомъ собственноручно вмѣстѣ съ солдатами всѣ ихъ работы. Такъ, придя за часъ или полтора до заката на ночлегъ, онъ вмѣстѣ съ ними развьючивалъ лошадей, рубилъ хворостъ для костра и приготовлялъ подстилки, чтобы спать не на голой землѣ; пока-же варился обѣдъ (въ пути же убитая дичина), неутомимый труженикъ науки, разогрѣвъ на огнѣ замерзшія чернила, писалъ свои путевыя замѣтки и чертилъ пройденный путь. Много разъ ночью проснется онъ, бывало, подбавитъ хворосту въ гаснущій костеръ, повернетъ къ огню закоченѣвшій бокъ или спину и спитъ дальше, готовый съ восходомъ солнца снова двинуться въ путь. «Съ одной стороны Петровки, а съ другой—

Рождество» говаривали про такія почевки у костра солдатики—спутники Николая Михайловича.

Въ 1870 г. окончились три года обязательной выслуги на дальней окраинѣ, и Пржевальскій поѣхалъ въ Петербургъ. Но не отдыхать стремился онъ въ столицу, нѣтъ, онъ мечталъ о томъ, чтобы получить возможность снова ѣхать въ невѣдомыя страны. Привезенныя имъ въ Петербургъ 2000 растеній, 300 чучелъ звѣрей и птицъ, 500 различныхъ яицъ, множество бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ, цѣлая книжка составленнаго имъ описанія Уссурійскаго края и сдѣланныя имъ въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ четыре сообщенія, показали начальству и ученымъ людямъ, съ какимъ недюжиннымъ человѣкомъ они имѣютъ дѣло, и съ какой пользой сумѣлъ онъ употребить свое время. Поэтому, когда Николай Михайловичъ сталъ снова проситься въ путь, то и военное начальство и ученое Императорское Географическое Общество рѣшили помочь ему: его снарядили на три года на развѣдки въ невѣдомыя мѣста китайскаго государства.

Чтобы путешествовать по китайской землѣ, необходимо было получить паспортъ отъ китайскаго правительства, для чего Пржеваль-

скій и направился со своимъ товарищемъ, молодымъ офицеромъ Пыльцовымъ, и двумя казаками черезъ пограничное мѣстечко Кяхту въ Пекинъ, столицу Китайской имперіи. Путь отъ русской границы идетъ черезъ Гоби, или Шамо, какъ называютъ,—безграничную равнину, перерѣзанную мѣстами грядами скалистыхъ холмовъ. Верстъ на двѣсти степь эта поросла травой и служитъ пастбищемъ безчисленнымъ стадамъ лошадей, верблюдовъ, барановъ и рогатаго скота. Далѣе же равнина покрыта крупнымъ пескомъ и мелкою галькою, и лишь въ низинахъ, гдѣ дольше держится дождевая вода, показывается мѣстами растеніе «дырисунъ» со своими длинными и крѣпкими какъ проволока стеблями, а больше нигдѣ ни кустика, ни деревца. Да какъ имъ и вырости безъ воды, при нестерпимыхъ жарахъ, лютыхъ морозахъ и при весеннихъ и осеннихъ буряхъ, когда вѣтеръ вырываетъ даже низкорослую полынь и, скручивая ее въ цѣлые снопы, катаетъ на сотни верстъ по пустынѣ. Тяжелый путь по пустынѣ, цѣлыя недѣли сряду тянется неоглядная равнина. Мѣрно шагаютъ навьюченные верблюды и идутъ сотни, тысячи верстъ, а пустыня все та же: ни рѣчки, ни ручья, лишь во время лѣтнихъ дождей на глини-

стыхъ низменныхъ мѣстахъ появляются лужи—озера. Но и отъ этихъ озеръ мало радости: вода въ нихъ соленая и при этомъ чрезвычайно грязная.

Послѣ долгаго, утомительнаго пути передъ взоромъ истомленнаго путника показываются наконецъ горы, сначала вдали, точно темныя облака, потомъ все яснѣе и яснѣе вырисовывается мощный горный хребетъ, которымъ отдѣлены теплыя страны самаго Китая отъ холодныхъ и сѣверныхъ равнинъ, населенныхъ подчиненными ему кочевыми племенами. По этому хребту пролегаетъ и тянется дальше на югъ та знаменитая великая китайская стѣна, которою китайскіе императоры хотѣли отдѣлить свое государство отъ всего остальнаго міра. Стѣна сложена изъ огромныхъ камней, высотой саженъ до трехъ и толщиною въ основаніи до четырехъ; на выдающихся мѣстахъ — не далѣе версты одна за другой—высятся башни. Какъ темная змѣя тянется по вершинамъ хребта эта громада, строившаяся сотни лѣтъ, стоившая жизни тысячамъ людей и все же не спасшая Китай ни отъ набѣговъ дикихъ ордъ монголовъ, ни отъ пытливыхъ взоровъ европейцевъ. Все это пространство населено монголами, тѣмъ самымъ народомъ, который подъ

именемъ татаръ завоевалъ 600 лѣтъ тому назадъ почти всю русскую землю, и кому больше двухсотъ лѣтъ платилъ дань русскій народъ. Выросъ и окрѣпъ русскій народъ, разбогатѣла русская земля, обильная и могучая, прогнала монголовъ въ ихъ степь и какъ бы уже позабыла объ этихъ грустныхъ страницахъ своей исторіи, а монгольскій народъ и теперь остался все такимъ же, какой былъ 600 лѣтъ назадъ; такъ же живутъ они лишь со своими стадами и кочуютъ по степи въ войлочныхъ палаткахъ. Теперь они подчинены Китаю, но управляются своими князьями, прямыми потомками великихъ хановъ—завоевателей міра. Только при князьяхъ ихъ состоятъ китайскіе чиновники, не позволяющіе имъ и шагу сдѣлать безъ ихъ согласія. Податей монголы не платятъ, а обязаны лишь содержать почту и пограничные караулы, да и въ случаѣ войны выставлять конное ополченіе. Разъ въ три года всякій ханъ долженъ съѣздить въ Пекинъ на поклонъ къ богдыхану—императору китайскому, и привезти ему подарки, за что получаетъ отвѣтный подарокъ. Китайцы этимъ хотятъ удержать монголовъ въ своемъ подданствѣ, располагая въ свою пользу князей, выдавая за нихъ даже замужъ своихъ княженъ и задаривая духовенство, по простой

народъ монгольскій терпѣть не можетъ китайцевъ, потому что китайскіе купцы его страшно обманываютъ, солдаты грабятъ, а чиновники при своихъ разъѣздахъ не только не платятъ прогонныхъ денегъ, но и грабятъ, отбирая на станціяхъ все, что только имъ приглянется.

Всѣхъ монголовъ до двухъ милліоновъ. На видъ росту они средняго, имѣютъ смуглую кожу, широкія, плоскія, съ выдающимися скулами лица, узкіе косые глаза, рѣдкіе и жесткіе черные волосы. У китайцевъ они переняли обычай брить голову, оставляя лишь на затылкѣ клокъ волосъ, который отращиваютъ и заплетаютъ въ косы. Монголки же головъ не бреютъ, а заплетаютъ волосы въ двѣ косы и носятъ ихъ спереди, по обѣимъ сторонамъ груди. Одежда мужчинъ состоитъ изъ халата синей китайской бумажной матеріи; дабы—китайскихъ сапогъ, и плоской шляпы съ отогнутыми кверху полями. Зимой они надѣваютъ бараньи длинныя шубы и такія же шапки. Женщины носятъ почти такой же халатъ, только безъ пояса, а поверхъ его что-то вродѣ нашей безрукавки. Платья они не моютъ и носятъ, не снимая, пока оно не сносится; спятъ не раздѣваясь. Жилищемъ имъ служитъ войлочная палатка—

юрта. Она дѣлается круглой, изъ тонкихъ жердей, перевязанныхъ въ рѣшетки, и обтягивается войлокомъ. Сверху оставляется отверстіе для выхода дыма, а посрединѣ устраивается очагъ, гдѣ цѣлый день горитъ аргалъ—сухой пометъ скота и дикихъ звѣрей—единственное топливо во всей степи. За очагомъ, напротивъ входа, ставятся бурханы—деревянные идолы; вокругъ огня раскладываются войлоки; здѣсь и сидятъ, здѣсь и спятъ вповалку всѣ жители юрты и заѣзжіе гости. Занимаются монголы скотоводствомъ. Все ихъ имущество заключается въ стадахъ барановъ, лошадей, верблюдовъ и въ небольшомъ количествѣ козъ. Получая отъ стадъ все нужное для своей жизни: мясо, молоко, кожу, шерсть и даже деньги—за перевозку на верблюдахъ—они и сами живутъ для стадъ. Гдѣ есть кормъ и водопой, тамъ и ставятъ они свои юрты. Траву ли съѣдятъ стада, пересохнутъ ли колодцы, монголы разбираютъ свои становища, навьючиваютъ ихъ на верблюдовъ и гонятъ свои стада на новое мѣсто.

Не великъ ихъ трудъ: въ степи просторно, ни границъ, ни межей никакихъ нѣтъ, стада бродятъ цѣлый день безъ присмотра, лишь разъ въ сутки надо пригнать ихъ на водопой. Женщины и дѣти заняты домашни-

ми работами: доятъ коровъ, прядутъ шерсть, варятъ пищу. Мужчины шагу не дѣлаютъ пѣшкомъ, у юрты всегда стоитъ привязанная лошадь, если сосѣдняя юрта находится даже всего въ двухъ шагахъ, то и въ такомъ случаѣ монголъ ѣдетъ верхомъ. Цѣлый день въ юртѣ горитъ огонь и варится чай. Сырой воды монголы боятся и пьютъ всегда чай, пьютъ его много, по десяти, по пятнадцати чашекъ за разъ. Чай (кирпичный) покупаютъ они въ Китаѣ и варятъ его разно: для питья— съ солью и молокомъ, если же онъ замѣняетъ имъ супъ, тогда его варятъ, замѣшивая сухимъ жаренымъ просомъ, масломъ и бараньимъ саломъ. Зимою каждый день монголы ѣдятъ мясо, почти всегда баранье, вареное съ саломъ, фунтовъ по 10 на человѣка. Въ дорогѣ мяса онѣ не варятъ, а рѣжутъ его сырое ломтями и кладутъ на спину лошади или верблюду подъ сѣдло и, когда оно провялится, ѣдятъ. Пищу берутъ прямо руками: захвативъ кусокъ зубами, ножемъ обрѣзаютъ его у самаго рта, сколько можно проглотить за разъ. На конѣ монголы неутомимы и въ безбрежной степи чувствуютъ себя какъ дома: и днемъ и ночью они великолѣпно знаютъ свой путь. Они никогда не скажутъ: направо, налѣво, а всегда: на сѣверъ, на востокъ; такъ

привыкли эти кочевники всегда узнавать страны свѣта. Разстояніе они мѣряютъ ходомъ верблюдовъ, говоря: отсюда къ югу пять дней ѣзды на добромъ верблюдѣ. Женъ имѣютъ, смотря по тому, кто сколько можетъ содержать и купить, такъ какъ за дѣвушку платится калымъ, или выкупъ, ея родителямъ и родственникамъ, но первая жена всегда почитается за старшую и хозяйку въ юртѣ.

Грамотны у нихъ лишь князья да жрецы, которые зовутся ламами. Вѣру монголы исповѣдуютъ буддійскую, хотя совершенно искаженную и непохожую на ученіе индѣйскаго царевича Сакіа Муни или Будды основателя Буддизма. По ихъ вѣрованію, духъ Будды, которому они покланяются какъ Богу, живетъ постоянно на землѣ въ тѣлѣ ихъ первосвященника, называемаго Далай-Лама, и проживающаго въ далекой горной странѣ Тибетѣ, въ святомъ, по ихъ мнѣнію, городѣ Лхасса. Когда же Далай-Лама умираетъ, душа его переносится въ какого-нибудь въ эту минуту родившагося младенца. По особымъ примѣтамъ-гаданьямъ узнается, въ какого именно младенца переселилась душа покойнаго, затѣмъ этого ребенка берутъ и вмѣстѣ съ его родителями везутъ въ Лхассу. а трехъ лѣтъ уже сажаютъ его во время це-

ремоній на престолъ въ главномъ храмѣ-кумирнѣ, куда къ нему стекаются со всего міра буддисты на поклоненіе. И въ Россіи есть буддисты: въ Сибири — народъ бурята, а въ Астраханской губерніи, въ низовьяхъ Волги — калмыки. По всѣмъ странамъ, гдѣ только живутъ буддисты, построены ихъ храмы — кумирни; около кумиренъ всегда расположены монастыри, гдѣ и живутъ ламы — буддійскіе монахи.

* * *

Въ китайской столицѣ, Пекинѣ, Николай Михайловичъ Пржевальскій со своими спутниками встрѣтилъ самое радушное гостепріимство въ нашемъ посольствѣ. Ему помогли выправить паспортъ и снарядиться въ путь. Неохотно пускаютъ китайцы чужеземца путешествовать по ихъ странѣ, не вѣрятъ они, что могутъ найтись люди, готовые итти въ дикія горы и страшныя пустыни для какой-то науки. «Вѣрно выискивать наши слабыя мѣста идетъ чужеземецъ» думаютъ они, «высмотритъ все, да и наведетъ потомъ враговъ». И называютъ китайцы всякаго иноземца «янъ-гуйза», что значитъ заморскій чертъ, и всѣми

правдами и неправдами стараются отдѣлываться отъ непрошенныхъ гостей.

Первою цѣлью Пржевальскаго было изслѣдованіе ближайшихъ мѣстностей къ сѣверу отъ Пекина и вдоль Великой китайской стѣны. Незначительныя денежныя средства заставили его ограничиться весьма скромнымъ караваномъ, всего изъ двухъ лошадей и семи верблюдовъ, при двухъ казакахъ, такъ что нашему путешественнику приходилось самому ходить за животными, пасти, поить и вьючить ихъ, собирать топливо, приготовлять пищу и еще по очереди съ казаками не спать по ночамъ, а караулить, чтобы не быть ограбленнымъ. Китайцы на первыхъ же порахъ оказали ему сопротивленіе. Въ первомъ по дорогѣ городѣ путешественниковъ не пустили ни въ одинъ домъ подъ предлогомъ, что мѣстъ нѣтъ. Пришлось ночевать за городскими стѣнами. Мѣстные жители не хотѣли продавать ничего съѣстного и впослѣдствіи сознались, что имъ такъ было приказано отъ начальства. Съемку пути приходилось дѣлать украдкой, что бы невиданный тамъ инструментъ буссоль (компасъ на подставкѣ и съ прицѣломъ) не возбудилъ подозрѣнія. Болѣе всего приходилось опасаться проводниковъ, которые въ то же время были завѣдомыми шпіонами, имѣвшими отъ

китайскаго правительства тайное порученіе зорко наблюдать за каждымъ шагомъ путешественниковъ. Каждый проходъ черезъ селеніе былъ просто пыткой. Толпа обступала путниковъ и, все ощупывая и осматривая, буквально закидывала ихъ вопросами: кто они, откуда, куда и зачѣмъ идутъ и что у нихъ съ собою. Словомъ, путешественникамъ приходилось быть все время на чеку, подыматься на тысячи хитростей и прибѣгать къ всевозможнымъ притворствамъ, чтобы среди всеобщаго недружелюбія китайцевъ — выполнить свою задачу. А задача эта и такъ была нелегка: карта снималась со всѣми возможными подробностями, при чемъ Николай Михайловичъ всегда дѣлалъ строгое различіе между тѣми свѣдѣніями, которыя были добыты имъ личнымъ осмотромъ, и тѣми, которыя получались путямъ разспросовъ мѣстнаго населенія; эти послѣднія данныя наносились на карту пунктиромъ съ оговоркой, что онѣ еще не провѣрены и при первой возможности провѣрялись. Трудъ этотъ, уже самъ по себѣ кропотливый и хлопотливый, осложнялся еще тѣмъ, что приходилось безпрестанно слѣзать съ лошади, что сильно утомляло, и кромѣ того, изъ за производства съемокъ приходилось совершать всегда дневные переходы, тащиться

въ самый зной, вмѣсто того, чтобы пользоваться ночной прохладой, какъ это дѣлаютъ обыкновенно монголы. Истомляя путниковъ, такіе переходы неблагопріятно отражались и на вьючныхъ животныхъ, и только энергія и чудовищная сила воли Николая Михайловича и были подъ стать бороться со всѣми этими тяготами и невзгодами.

Какъ то попался имъ навстрѣчу отрядъ китайскихъ солдатъ, на видъ оборванная толпа разбойниковъ — кто съ саблей, кто съ пикой, кто съ ружьемъ, но какимъ ружьемъ — фитильнымъ. Чтобы стрѣлять изъ него, надо прежде огнивомъ высѣчь огонь, зажечь фитиль и фитилемъ уже поджечь порохъ. Слово «паспортъ» остановило разбойниковъ, собиравшихся пограбить. Пржевальскій угостилъ ихъ офицера чаемъ съ сахаромъ, подарилъ ему перочинный ножикъ, и встрѣча обошлась благополучно, только солдаты успѣли стащить незамѣтно кой-какую мелочь.

Далѣе путь пролегалъ черезъ городъ Бауту. У города караванъ былъ остановленъ карауломъ. Узнавъ, что у Пржевальскаго есть паспортъ изъ Пекина, начальникъ караула впустилъ караванъ въ городъ и повелъ къ городскому управленію. Толпы народа высыпали изъ домовъ поглазѣть на невиданныхъ здѣсь при-

шельцевъ. Съ часъ пришлось простоять у воротъ управленія, пока не вышли нѣсколько полицейскихъ и не сказали, что самъ мандаринъ,—такъ называются въ Китаѣ высшіе чиновники,—хочетъ ихъ видѣть, но для этого надо слѣзть съ лошадей; въ воротахъ еще пришлось оставить оружіе, и только послѣ этого имъ удалось войти во дворъ. Мандаринъ въ красной юбкѣ и такой же кофтѣ стоялъ въ дверяхъ своей фанзы (фанза—китайскій домъ, выстроенный изъ битой глины). Онъ пригласилъ путниковъ къ себѣ, угостилъ чаемъ и тогда уже спросилъ: кто такіе они, куда и зачѣмъ идутъ. Пржевальскій отвѣчалъ, что онъ чиновникъ русскаго царя и идетъ черезъ страну Ордосъ въ горы Ала-Шаньскія изслѣдовать неизвѣстныя страны. Сначала мандаринъ сталъ говорить ему, что итти туда нельзя, что тамъ опасно, разбойники, но когда Пржевальскій обѣщалъ подарить ему интересную русскую вещь,—часы, то мандаринъ тотчасъ же согласился дать пропускъ и велѣлъ полицейскимъ отвести русскимъ помѣщеніе для ночлега. Полицейскіе снова повели караванъ по улицамъ въ сопровожденіи густой толпы народа и привели въ какую-то пустую, страшно грязную фанзу. Она сразу наполнилась толпой любопытныхъ, которые, не давая отдох-

нуть усталымъ путникамъ, принялись осматривать и ощупывать ихъ самихъ и все ихъ имущество. Наконецъ Пржевальскій догадался обѣщать полицейскимъ денегъ, если они выгонятъ эту толпу. Полицейскіе схватились за свои палки, и черезъ минуту фанза была очищена; ставъ у дверей, они начали пускать лишь по нѣсколько человѣкъ и то за деньги посмотрѣть на русскихъ пришельцевъ. На другой день, получивъ обѣщанный подарокъ—часы, мандаринъ прислалъ пропускъ, и караванъ, выйдя изъ города, переправился на лодкахъ черезъ Желтую рѣку, по китайски Хуанъ-хе и вступилъ въ страну Ордосъ, степную равнину, перерѣзанную горными цѣпями.

Въ городѣ Дынь-ху, китайскій мандаринъ, подъ предлогомъ осмотра имущества, разграбилъ почти весь караванъ. Но зато въ слѣдующемъ по пути городѣ Дюнь-юань-инъ, лежащемъ у подножія Ала-Шаньскихъ горъ, наши путники встрѣтили самый радушный пріемъ. Въ этомъ городѣ жилъ одинъ лама по имени Оарджи, который бывалъ на русской границѣ и видѣлъ русскихъ; ему то и были обязаны путники хорошимъ пріемомъ. Князь города выслалъ даже своихъ людей навстрѣчу каравану, принялъ его у себя и

снабдилъ продовольствіемъ, что было очень кстати ограбленнымъ въ городѣ Дынь-ху странникамъ. Молодые князья, сыновья властителя города, не отходили отъ Пржевальскаго, разспрашивали его о Россіи и сопровождали даже на охоты.

Тѣмъ временемъ деньги и всякіе запасы совершенно израсходовались, и продолжать путь было невозможно, — надо было возвращаться въ Пекинъ, чтобы запастись всѣмъ необходимымъ для дальнѣйшаго путешествія. Оставивъ своихъ спутниковъ съ караваномъ въ городѣ Калганѣ, Пржевальскій одинъ налегкѣ поѣхалъ въ Пекинъ, выправилъ тамъ себѣ новый паспортъ, пополнилъ запасы, купилъ новыя скорострѣльныя ружья и, вернувшись въ городъ Калганъ, опять выступилъ въ Ала-Шань. Князь алашаньскій, услыхавъ о его приближеніи, снова выслалъ своихъ людей ему настрѣчу, на этотъ разъ еще нетерпѣливѣе ожидая гостей, такъ какъ Пржевальскій обѣщалъ привезти ему подарки. Судьба теперь благопріятствовала нашему путешественнику,— какъ разъ въ это время въ Дынь-юань-инѣ находился большой караванъ племени тангутовъ, шедшій въ кумирню Чейбсенъ, въ самую глубь страны. Между тѣмъ князь алашаньскій получилъ строгій выговоръ

отъ китайскаго правительства за то, что такъ радушно принималъ русскихъ, и теперь, изъ страха передъ китайцами, опасался пропустить русскихъ черезъ свои владѣнія и всячески сталъ мѣшать ихъ дальнѣйшему пути. По его приказанію ламы гадали и предсказывали всякія напасти въ пути, но понятно, гаданія эти не испугали Николая Михайловича, для котораго тангутскій караванъ былъ просто находкой, ибо съ нимъ можно было проникнуть вглубь страны, куда бы безъ проводниковъ ни за что не найти дороги.

Итакъ, несмотря на всѣ козни князя алашаньскаго, Пржевальскій выступилъ съ тангутскимъ караваномъ. Къ каравану пристало много монголовъ богомольцевъ, шедшихъ въ Лхассу на поклоненіе Далай-Ламѣ. Путь лежалъ по песчаной равнинѣ; все увеличивавшійся дневной зной и трудности пути скоро давали себя чувствовать, и, бодрые утромъ, путники быстро слабѣли и падали духомъ. «Идешь бывало,—пишетъ самъ Николай Михайловичъ въ своемъ описаніи путешествія—часа два-три по утренней прохладѣ, наконецъ солнце поднимается высоко и начинаетъ жечь невыносимо. Раскаленная почва пустыни дышетъ жаромъ, какъ изъ печки. Становится очень тяжело: голова болитъ и кружится, потъ

ручьемъ льетъ съ лица и со всего тѣла, чувствуешь полное разслабленіе и сильную усталость. Животныя страдаютъ неменѣе насъ. Верблюды идутъ, разинувъ рты и облитые потомъ, словно водою. Казаки, которые обыкновенно поютъ пѣсни, смолкаютъ, и весь караванъ тащится молча, шагъ за шагомъ, словно не рѣшаясь передавать другъ другу и безъ того тяжелыя впечатлѣнія». Нерѣдко въ пути ихъ настигали и страшныя песочныя бури, часто свирѣпствующія въ этихъ мѣстахъ. Сначала какъ будто закурятся вершины песчаныхъ холмовъ, потомъ вдругъ подымутся цѣлыя облака песку и, кружась и носясь въ воздухѣ, застилаютъ солнце настолько, что наступаетъ совершенный мракъ — въ двухъ шагахъ ничего не видно, дышать нечѣмъ,—и такъ проходятъ часы, пока не утихнетъ буря.

Пройдя пески, путники подошли къ горамъ; у подножія ихъ засверкала вода, показалась зелень, невдалекѣ виднѣлись и деревни, но вожаки каравана, зная, что эти деревни охраняются отъ разбойниковъ китайскими солдатами, которые сами не лучше разбойниковъ, рѣшили лучше итти дикими, пустынными горами, лишь бы не имѣть дѣла съ такими защитниками. Разбойниковъ можно и не встрѣтить, а солдаты уже навѣрное огра-

бятъ. Горами караванъ благополучно достигъ кумирни Чейбсенъ. Главный храмъ кумирни построенъ изъ камня и окруженъ глиняной стѣной, кругомъ которой тѣснятся разныя пристройки. Посреди храма—двухсаженный сидящій на тронѣ вызолоченный идолъ, передъ которымъ горитъ лампа и стоятъ сосуды съ водой, водкой, рисомъ и ячменной мукой; по бокамъ его находятся тоже идолы; по стѣнамъ, въ шкапахъ и на полкахъ еще больше тысячи маленькихъ мѣдныхъ божковъ. Въ кумирнѣ живетъ человѣкъ полтораста ламъ, да стоитъ до тысячи китайскихъ солдатъ для защиты ея отъ дунганъ, деревни которыхъ начинаются уже верстахъ въ пятнадцати. Черезъ нѣсколько дней по прибытіи каравана на мѣсто вдругъ показались шайки разбойниковъ. Полторы тысячи человѣкъ заперлись за стѣнами кумирни, Пржевальскій же самъ четвертъ со своими спутниками не захотѣлъ прятаться за стѣнами и остался ночевать въ полѣ, лишь привязавъ своихъ животныхъ и расположивъ вьюки вокругъ палатки да по очереди стоя на часахъ. Ночь прошла спокойно, но китайцевъ такая храбрость до того удивила, что они сочли Пржевальскаго за святого. Съ этими людьми, говорили они между собой, можно не бояться разбойниковъ:

мы съ 2000 человѣкъ запираемся въ своей кумирнѣ, а они вчетверомъ стоятъ въ открытомъ полѣ, и никто не смѣетъ ихъ тронуть. Развѣ простые люди могутъ это сдѣлать. Нѣтъ, русскіе напередъ все знаютъ, и ихъ начальникъ непремѣнно колдунъ или святой. Послѣ этого происшествія нашлись даже люди, согласившіеся служить Николаю Михайловичу проводниками къ озеру Куку-Норъ, куда онъ пришелъ черезъ двадцать дней пути. Это озеро до 300 верстъ въ окружности и лежитъ на 3 версты выше уровня моря; до Пржевальскаго еще ни одному европейцу не удавалось побывать тамъ. «Мечта моей жизни исполнилась, — писалъ объ этомъ моментѣ Пржевальскій. Завѣтная цѣль экспедиціи достигнута. То, о чемъ недавно еще только мечталось, теперь превратилось въ осуществленный фактъ. Правда такой успѣхъ былъ достигнутъ цѣной многихъ тяжкихъ испытаній, но теперь всѣ пережитыя невзгоды были забыты и въ полномъ восторгѣ стояли мы съ товарищемъ на берегу великаго озера, любуясь на его чудныя, темно-голубыя волны».

Пробывъ на берегу озера Куку-Норъ всего нѣсколько дней, Николай Михайловичъ рѣшилъ двинуться дальше въ Тибетъ, но начавшійся послѣ двухмѣсячнаго скитанія по

сѣверной части Тибетскаго плоскогорія, въ непрестанной борьбѣ съ его суровымъ климатомъ, падежъ верблюдовъ и прикончившіеся запасы заставили путешественниковъ, къ ихъ большому огорченію, повернуть назадъ. Обратный путь едва не стоилъ имъ жизни: проводникъ сбился съ пути, и весь караванъ чуть было не погибъ отъ жажды. Выручила врожденная способность Пржевальскаго легко оріентироваться въ какой угодно мѣстности и какъ-бы чутьемъ угадывать вѣрное направленіе пути, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1873 г., истомленные, измученные, въ однихъ лохмотьяхъ, путники достигли наконецъ города Урги на русской границѣ, гдѣ встрѣтили самый радушный пріемъ со стороны русскаго консула. «Не берусь описать впечатлѣнія той минуты,—говоритъ Николай Михайловичъ,—когда мы впервые услышали родную рѣчь, увидѣли родныя лица и попали въ европейскую обстановку. Съ жадностью разспрашивали мы о томъ, что дѣлается въ образованномъ мірѣ, читали полученныя письма и, какъ дѣти, не знали границъ своей радости».

«Путешествіе наше окончилось,—заключаетъ Николай Михайловичъ свою книгу о Монголіи,—и успѣхъ его превзошелъ даже тѣ надежды, которыя мы имѣли, переступая

въ первый разъ границу Монголіи. Счастливая судьба, выручавшая насъ отъ всякихъ бѣдъ, дала возможность совершить посильное изслѣдованіе наименѣе извѣстныхъ и наиболѣе недоступныхъ странъ Внутренней Азіи». И дѣйствительно, путешествіе, совершенное Николаемъ Михайловичемъ и длившееся почти три года, было безпримѣрное: за это время онъ прошелъ 11.100 верстъ караваннаго пути, при чемъ 5.300 верстъ были нанесены на карту глазомѣрной съемкой, доставившей драгоцѣнные матеріалы для картографіи обширной области, до того времени совершенно неизслѣдованной. Кромѣ того, не говоря уже о массѣ другихъ весьма цѣнныхъ для науки изслѣдованій, путешественникомъ были составлены коллекціи птицъ, животныхъ, рыбъ, насѣкомыхъ и растеній. До тысячи чучелъ разныхъ птицъ, триста шкуръ убитыхъ звѣрей, разныхъ гадовъ и рыбъ, больше трехъ тысячъ насѣкомыхъ и четыре тысячи различныхъ растеній, собранныхъ и засушенныхъ, отправилъ Николай Михайловичъ въ Петербургъ. Если же принять еще во вниманіе, что Пржевальскій ходилъ все время по странѣ, охваченной возстаніемъ, что ему и его тремъ спутникамъ постоянно приходилось жить среди разбойниковъ и ежеми-

путно подвергать свою жизнь опасности, что онъ смѣло проникалъ туда, куда не рѣшался заглянуть ни одинъ изъ европейскихъ путешественниковъ, то несомнѣнно нужно признать, что заслуги руководителя этой славной экспедиціи были поистинѣ громадны. Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, осмотрѣвъ прибывшихъ въ Петербургъ невиданныхъ еще птицъ и звѣрей, наградилъ смѣлаго путешественника чиномъ подполковника и приказалъ выдать ему десять тысячъ рублей, а все присланное имъ принять въ музей при Академіи наукъ.

III.

Второе и третье путешествіе.

Успѣхъ ободрилъ Пржевальскаго къ новымъ трудамъ; не сидѣлось ему мирно дома. Удобства городской жизни и ея спокойствіе мало привлекали Николая Михайловича, гораздо больше манила его вновь пустыня со всѣми ея невзгодами, лишеніями и опасностями. Грустное и тоскливое чувство всегда овладѣвало имъ, какъ только проходили первые порывы радости возвращенія на родину. Убѣжденіе въ своемъ призваніи и въ своихъ си-

лахъ настойчиво звало его снова въ путь: много неизвѣданнаго еще оставалось, больше же всего манили его высокія горы тибетскія и городъ Лхасса, гдѣ живетъ Далай-Лама, про котораго онъ столько наслышался во время своихъ скитаній среди буддистовъ.

И вотъ 12 августа 1876 г. онъ снова пустился въ путешествіе изъ занятаго въ то время русскими войсками города Кульджи. Сначала онъ хотѣлъ пройти на извѣстное только по разсказамъ озеро Лобъ-Норъ, а оттуда уже, если можно будетъ, и въ заманчивый, таинственный Тибетъ. Путь шелъ сперва плодородными берегами рѣки Или, потомъ горами, чудными полями и лѣсами, полными всякимъ звѣремъ. Волки, лисицы, бурые и чалые медвѣди, разныхъ родовъ олени, дикія козы и горныя бараны давали богатую добычу на охотѣ. Эти земли принадлежали владѣтелю Кашкара Якубъ-хану, который, собираясь воевать съ Китаемъ и дорожа потому особенно расположеніемъ русскихъ, выслалъ навстрѣчу Пржевальскому своихъ людей, какъ провожатыхъ, но въ то же время и для того, чтобы наблюдать за нимъ и по возможности всячески мѣшать углубляться въ страну. Для этого провожатые вели караванъ нарочно по худшимъ мѣ-

стамъ и черезъ одну и ту же рѣку заставляли его переправляться по нѣсколько разъ, при чемъ переправляться приходилось вплавь, такъ какъ иныхъ переправъ не было. Но когда они убѣдились, что никакими трудностями не запугать и не остановить отважныхъ путешественниковъ, они оставили свои попытки и повели прямой дорогой на рѣку Таримъ, которая вытекаетъ изъ озера Лобъ-Норъ. Берега этой рѣки поросли кустами и лѣсомъ, всего же въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ въ сторонѣ тянется совершенная пустыня. На раскаленномъ солнцемъ пескѣ вдали отъ воды не ростетъ ни одной былинки, и сухой песокъ поднимается вѣтромъ и цѣлыми облаками переносится съ мѣста на мѣсто.

На Таримѣ и дальше вокругъ Лобъ-Нора живетъ народъ кара-курчинцы. Сначала, при приближеніи каравана, они бросали жилища и убѣгали въ пески, но потомъ, видя, что ни имъ, ни ихъ имуществу не угрожаетъ никакой опасности, стали храбрѣе и оставались на мѣстахъ. Жилища ихъ сдѣланы изъ тростника, растущаго въ изобиліи по рѣкѣ и берегамъ озера. Связанный въ снопы, поставленный стоймя рядомъ, онъ образуетъ стѣны. Такіе же снопы, но только потоньше,

положены сверху и замѣняютъ крышу. Вся утварь тоже изъ тростника, лишь самые богатые дѣлаютъ себѣ постель изъ утиныхъ перьевъ. Боясь грабежа и пожаровъ, они все, что только у нихъ есть болѣе цѣннаго, дома не держатъ, а зарываютъ въ пескахъ. Занимаются кара-курчинцы рыболовствомъ и скотоводствомъ. Достигнувъ озера Лобъ-Норъ и изучивъ его, т. е. произведя съемку его береговъ, промѣривъ глубину и собравъ большія коллекціи, Пржевальскій долженъ былъ повернуть назадъ и едва-едва добрался до Кульджи, такъ какъ истомленные верблюды стали падать; пришлось бросить часть вьюковъ, кое-что положить на верховыхъ лошадей, а самимъ уже итти пѣшкомъ. Предположенная имъ по заранѣе составленному плану экспедиція въ Тибетъ на этотъ разъ не удалась. Сначала экспедиціи этой, предпринятой было въ августѣ того же года, помѣшала сказавшаяся вдругъ у Николая Михайловича и у его спутниковъ чрезвычайно непріятная болѣзнь—ужасающій зудъ всего тѣла—заполученная ими, вѣроятнѣе всего, какъ они предполагали, въ Кульджѣ отъ дурной воды. Сдѣлавшись въ пустынѣ, при всѣхъ невзгодахъ въ пути, буквально невыносимой, болѣзнь эта заставила путниковъ отказаться отъ всякой мысли двигаться

далѣе и принудила ихъ обратиться къ серьезному лѣченію. Не состоялась эта экспедиція и въ ближайшее время по выздоровленіи путниковъ, такъ какъ отношенія Россіи съ Китаемъ неожиданно обострились, и русское правительство само уже предписало Николаю Михайловичу отложить его экспедицію до болѣе благопріятнаго времени. Это предписаніе совпало съ полученіемъ Николаемъ Михайловичемъ горестнаго извѣстія о смерти горячо любимой его матери, и онъ, едва оправившись отъ болѣзни, измученный душой и тѣломъ, даже какъ будто обрадовался этой отсрочкѣ и немедленно же просилъ разрѣшенія возвратиться въ Петербургъ для поправленія здоровья.

Въ концѣ марта 1879 г. онъ уже снова пустился въ путь, въ третье свое путешествіе по азіатскимъ пустынямъ. Теперь онъ направился кратчайшей дорогой въ Тибетъ. Путь лежалъ сначала черезъ Джунгарскую пустыню, еще болѣе суровую, чѣмъ пустыня Гоби. Безконечно для взора тянется она, лишенная совсѣмъ деревьевъ, — лишь мѣстами видны кусты «саксаула» и «дырнсуна», служащіе пристанищемъ волкамъ да лисицамъ. Саксаулъ — небольшой корявый кустарникъ безъ листвы, съ одними голыми вѣтками.

Почва все время солончаковая, какъ бывшее дно давно исчезнувшаго озера, а можетъ и моря; мѣстами соль лежитъ крупными кусками на поверхности. Вѣтеръ свободно гуляетъ на просторѣ, и бури бываютъ чуть не ежедневно, обыкновенно начинаясь часовъ около 10 утра. Вихри начинаютъ мести пыль, облака мелкаго песку и соли подымаются на воздухъ, дышать нечѣмъ, солнце меркнетъ, а иногда лишь проглядываетъ краснымъ кругомъ въ сѣрыхъ тучахъ пыли. Животныя ложатся уткнувшись мордой въ землю, палатки надо обкладывать тяжелыми вьюками, чтобы ихъ не унесло. Къ полудню бури всего сильнѣе и стихаютъ лишь къ закату. Даже кочевники не живутъ въ этой пустынѣ, и только небольшіе табуны дикихъ лошадей и верблюдовъ пробѣгаютъ по ней.

Переваливъ черезъ горы Тянь-Шань, путники попали въ оазисъ (такъ называется плодородная мѣстность среди пустыни) съ городомъ Хами. Пріятно имъ было увидѣть послѣ сѣрой, однообразной пустыни веселенькую рѣчку, зеленые луга, деревья, рощицы. Караванъ встрѣтилъ китайскій офицеръ съ разспросами: есть ли продажные товары, есть ли подарки губернатору-мандарину, — и повелъ въ городъ. Городъ Хами

окруженъ высокой глиняной стѣной, за которой скучены низенькіе, плоскіе глиняные же домики. Народъ живетъ монгольскій, только купцы да солдаты китайскіе. Мандаринъ Чинъ-Цай принялъ подарки, позвалъ къ себѣ обѣдать и на другой день самъ пріѣхалъ къ стоянкѣ каравана и еще попросилъ себѣ подарковъ; изъ свиты его тоже каждый что-нибудь да выпрашивалъ себѣ. Пять дней отдыхалъ караванъ въ оазисѣ и 1-го іюня выступилъ дальше въ путь. Снова пустыня и снова высокія, дикія горы; безъ проводника не найти черезъ нихъ дороги, а китайцы грозили отрубить голову каждому, кто покажетъ русскому дорогу въ Тибетъ. Тогда Пржевальскій силою захватилъ нѣсколько кочевыхъ монголовъ; одинъ изъ нихъ, оказалось, зналъ дорогу и былъ взятъ проводникомъ.

При переходѣ черезъ горы Нань-Шань, одинъ изъ казаковъ—урядникъ Егоровъ, пойдя на охоту, заблудился въ горахъ и не попалъ на стоянку. Шесть дней искали его по всѣмъ сторонамъ, но напрасно. Наконецъ рѣшили, что вѣроятно смѣлый охотникъ погибъ, сорвавшись съ горы въ какую нибудь пропасть, и тронулись въ дальнѣйшій путь. Вдругъ въ одной долинѣ замѣтили вдали человѣка,—оказалось, что это

и былъ пропавшій. Сапоги его развалились, изодранные объ острые камни, одежда оказалась вся въ клочьяхъ, руки и ноги были въ крови. Жажду онъ утолялъ снѣгомъ и питался сырымъ мясомъ убитой дичи. Немного осталось у него патроновъ, а смерть уже грозила ему, если бы ему не посчастливилось вдругъ напасть на своихъ.

За горами начиналась страна Цайдамъ, населенная монголами, которые занимаются даже земледѣліемъ. Но они самые несчастные люди: по сосѣдству съ ними живетъ разбойничье племя оронгыны, существующіе однимъ грабежомъ и разоряющіе мирныхъ монголовъ, которые и отпора то имъ дать не могутъ, такъ какъ оронгыны дѣлятся своей добычей съ китайскими чиновниками, привлекая ихъ тѣмъ на свою сторону. Цайдамскіе монголы живутъ въ деревняхъ, называющихся хырмами. Хырмы всѣ обнесены, для защиты отъ разбойниковъ, глиняными стѣнами. У одной такой хырмы, гдѣ жилъ князь Дзунъ-Засакъ, караванъ остановился: надо было собраться съ силами къ странствованію въ Тибетъ, который начинался здѣсь за высокими горами; надо было пополнить запасы для себя и для вьючныхъ и для верховыхъ животныхъ. Но князь Дзунъ-Засакъ не хо-

тѣлъ ничего продавать. Тогда Пржевальскій рѣшился на крутую мѣру; онъ схватилъ князя и посадилъ подъ арестъ къ себѣ въ палатку. На другой же день появились и верблюды, и пшено и масло. Въ особенности важно было перемѣнить верблюдовъ, потому что прежніе, измученные трудностями пути, отказывались служить. 12-го сентября караванъ тронулся въ горы.

Тибетъ самая обширная изъ мало изслѣдованныхъ странъ міра. Окруженная заоблачными горами со всѣхъ сторонъ, она подымается въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ слишкомъ на четыре версты надъ уровнемъ моря. На такой высотѣ воздухъ до того рѣдкій, что становится трудно дышать; люди начинаютъ страдать одышкой и сердцебіеніемъ, голова кружится, человѣка вдругъ охватываетъ сначала сильная усталость, а затѣмъ и полное изнеможеніе; лошади испытываютъ то же самое. На такой высотѣ вѣтры еще сильнѣе, чѣмъ внизу, а бури со снѣгомъ зимой и пылью, пескомъ лѣтомъ—ужасны. Погода зимой самая непостоянная: по ночамъ морозы до тридцати градусовъ, а днемъ оттепель. Деревья здѣсь уже не растутъ, и лишь трава да небольшіе кустарники. Даже кочевникамъ трудно здѣсь жить, за то раздолье дикимъ живот-

нымъ. Цѣлыми стадами длинношерстные криворогіе яки (дикіе горные быки) и разныхъ породъ дикія козы мирно пасутся на обширныхъ лугахъ.

Еще въ Цайдамѣ нашихъ путниковъ пугали тибетскими разбойниками, не дающими проходу караванамъ купцовъ и богомольцевъ, идущихъ въ Лхассу. Дѣйствительно, по дорогѣ не разъ попадались кости убитыхъ: трупы живо съѣдались волками и медвѣдями, а кости оставались напоминать путникамъ о грозящей имъ участи. Но разбойниковъ пока не встрѣчалось. 7-го ноября пріѣхала на стоянку каравана конная партія племени сграевъ, какъ они сами себя называютъ. Пріѣхали они продавать масло, но на самомъ дѣлѣ принялись грабить. Тогда весь отрядъ схватился за винтовки, и разбойники, испугавшись, ускакали. Всю слѣдующую ночь были слышны ихъ крики по сосѣднимъ горамъ. На другой день, лишь караванъ тронулся въ путь и вошелъ въ ущелье между горами, какъ три конныя толпы показались съ трехъ сторонъ. Отступать было некуда, враги окружили, да и усталые верблюды не дошли бы назадъ 700 верстъ до Цайдама, ближайшаго мѣста, гдѣ можно бы было оправиться, къ тому же сграи были на отличныхъ

ный посолъ, а только его люди. Трусливые и низкопоклонные передъ сильными, тибетцы, какъ и всѣ азіатскіе народы, очень любятъ повеличаться передъ кѣмъ только можно. Такъ и теперь посолъ думалъ, стоитъ ли итти къ чужеземцу, который пришелъ такъ издалека въ сопровожденіи всего лишь двѣнадцати человѣкъ, – ему, пришедшему съ тысячной свитой, и послалъ своихъ подчиненныхъ. Хорошо изучилъ азіатовъ за время своихъ странствій Николай Михайловичъ, и теперь, когда пришли къ нему посланные, онъ не вышелъ изъ своей палатки, а велѣлъ сказать имъ, что будетъ разговаривать только съ самимъ посломъ. Со всегдашней хитростью азіатовъ, струсившіе послы отвѣчали, что посолъ боленъ и самъ итти не можетъ. Пржевальскій этимъ не смутился. «Коли посолъ заболѣлъ, такъ я завтра самъ пойду въ вашу столицу», не задумываясь отвѣтилъ онъ. Вернулись посланные къ своему начальнику и передали ему отвѣтъ русскаго. Испугались тибетцы: ихъ хоть и тысячи, а русскихъ всего тринадцать человѣкъ, да слыхали они, какъ эти тринадцать человѣкъ черезъ цѣлое племя разбойниковъ сграевъ пробились. Нечего было дѣлать, сбавилъ спеси посолъ, болѣзни его какъ не бывало, и отправился онъ къ Пржеваль-

скому. Придя со своими товарищами въ палатку, посолъ, по ихъ обычаю, спросилъ сперва про здоровье, а затѣмъ началъ уговаривать Николая Михайловича не ходить въ ихъ землю, говоря: «До сихъ поръ къ намъ ходили съ сѣвера только три народа: монголы, тангуты и китайцы, и они одной съ нами вѣры, а земля наша святая, и городъ нашъ святой, и никакъ мы не можемъ пустить васъ туда; уходите только, и мы вамъ денегъ дадимъ, сколько хотите, за ваши издержки». Никакія увѣщанія, никакіе доводы Николая Михайловича не помогли, на все былъ одинъ и тотъ же, точно затверженный отвѣтъ: вы иной вѣры, и все тутъ. Увидалъ Николай Михайловичъ, что тутъ ничего не подѣлаешь, весь народъ не переспорить, да и съ войскомъ, хоть и дряннымъ, а все-таки тысячнымъ, еще неизвѣстно какъ справиться, да если и раздѣлаешься съ войскомъ, все же еще весь народъ, вся страна останется. Взвѣсивъ все это, Николай Михайловичъ еще разъ подтвердилъ послу, что пришелъ онъ въ ихъ страну ради науки, посмотрѣть какъ они живутъ, а не ради высматриванія какихъ-нибудь тайнъ и не ради ихъ денегъ, которыхъ ему совсѣмъ не нужно, и въ заключеніе потребовалъ, чтобы ему дали бумагу, въ которой

подробно изложили бы, по какой именно причинѣ они не хотятъ пускать его въ этотъ городъ. Такъ не удалось ему и на этотъ разъ попасть въ Лхассу. Пришлось удовольствоваться однѣми разспросными свѣдѣніями о ней, но и эти свѣдѣнія, занесенныя Пржевальскимъ въ свой дневникъ со строгой критикой, оказались далеко не безъинтересными. По словамъ тибетцевъ, въ Лхассѣ живетъ больше пятидесяти тысячъ человѣкъ, построена она вся изъ камня и полна церквей—кумпренъ; самая большая кумирня та, гдѣ живетъ Далай-Лама; по извѣстнымъ днямъ онъ сидитъ на престолѣ и къ нему допускаются богомольцы, которымъ онъ возлагаетъ на голову свою руку и тѣмъ прощаетъ имъ ихъ грѣхи, а вокругъ него стоятъ въ это время кутухты (главные жрецы) и простые ламы. И нѣтъ такого грѣха, который бы не былъ прощенъ въ святомъ городѣ.

Сами тибетцы похожи немного на нашихъ татаръ, немного на цыганъ, только роста они небольшого и сложенія слабаго. Цвѣтъ ихъ кожи свѣтло-кофейный, усовъ и бороды почти нѣтъ, волосы черные, длинные обыкновенно заплетаются въ косу, въ которую вплетаются также нитки, костяшки, мѣдныя и серебряныя украшенія. Носятъ они лисьи и бараньи

шапки, длинныя бараньи шубы, спущенныя съ праваго плеча, сапоги суконные до колѣнъ; рубахъ и штановъ у нихъ и въ заводѣ нѣтъ. Зиму и лѣто тибетцы живутъ въ черныхъ палаткахъ, сотканныхъ изъ волоса яковъ—дикихъ горныхъ быковъ—которые и составляютъ ихъ главное богатство. Мясо яка ѣдятъ, молоко пьютъ и дѣлаютъ изъ него сыръ и творогъ, а изъ шерсти ткутъ сукно. На якахъ и верхомъ ѣздятъ, и грузы вьюкомъ возятъ, наконецъ пометъ ихъ—единственное топливо. Кромѣ яковъ держатъ еще барановъ и лошадей.

Въ обратный путь Пржевальскій рѣшилъ итти другой дорогой и пошелъ черезъ китайскія земли на Желтую рѣку и на пограничный городъ Ургу. Тибетскіе послы, чрезвычайно обрадованные успѣшнымъ окончаніемъ своей миссіи, разстались съ путешественниками весьма любезно, Пржевальскому же и его спутникамъ было очень грустно. «И такъ, съ горечью записалъ у себя въ дневникѣ Николай Михайловичъ,—намъ не удалось дойти до Лхассы: людское невѣжество и варварство поставили тому непреодолимыя преграды. Невыносимо тяжело было мириться съ подобною мыслью и именно въ то время, когда всѣ трудности далекаго пути

были счастливо поборены, а вѣроятность достиженія цѣли превратилась уже въ увѣренность успѣха». Это грустное настроеніе смягчалось отчасти только тѣми богатыми научными результатами, которыя принесла экспедиція, и которыя были по достоинству оцѣнены всѣмъ ученымъ міромъ.

Пробравшись въ Ургу, путешественники отдыхали всего пять дней, а затѣмъ—въ концѣ октября 1880 г. —двинулись далѣе черезъ Кяхту и Вѣрный на родину. По всему пути ихъ догоняли или встрѣчали на станціяхъ поздравительныя телеграммы отъ разныхъ учрежденій и лицъ. Чрезвычайныя чествованія и награды буквально сыпались на Николая Михайловича: Императорскіе Московскій и Петербургскій Университеты, Спб. О-во естествоиспытателей, Уральское О-во естествознанія и мн. др. спѣшили избрать его своимъ почетнымъ членомъ. Не менѣе прогремѣла его слава и заграницей. Вѣнское, Итальянское, Дрезденское, Лондонское и др. географическія общества точно также наперерывъ присуждали ему свои награды и присылали дипломы почетнаго члена. Едва успѣвая отвѣчать благодарностью на всѣ эти почести, Николай Михайловичъ почти цѣлыя ночи напролетъ проводилъ за описаніемъ

своего путешествія. Въ концѣ декабря 1882 г. работа эта была имъ закончена, и въ началѣ 1883 г. Николай Михайловичъ выпустилъ свою книгу подъ заглавіемъ «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховье Желтой рѣки». Сочиненіе это, встрѣченное съ большимъ сочувствіемъ и въ Россіи и заграницей, является «сокровищницей по этно-зоографіи *), Центральной Азіи». Еще покуда книга эта печаталась, Николай Михайловичъ поднялъ вопросъ о новомъ путешествіи въ Тибетъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Это предложеніе его было принято съ полной готовностью, и въ ноябрѣ 1883 года онъ пустился въ четвертый разъ вглубь Азіи, поставивъ себѣ на этотъ разъ задачей изслѣдовать истоки Желтой рѣки, сѣверную часть Тибета и еще разъ попытаться дойти до столицы Далай-Ламы.

IV.

Четвертое и послѣднее путешествіе.

Въ бурю, въ бурю снова...
Отдохнувъ, сказалъ пловецъ,
Знать я жребія такого,
Что въ затишьѣ не жилецъ.

*) Т. е. описаніе населенія и животныхъ міра.

въ поэтическомъ восторгѣ записалъ въ своемъ дневникѣ Николай Михайловичъ, отправляясь въ это путешествіе.

Путь на этотъ разъ онъ избралъ старый, отъ Кяхты, какъ болѣе знакомый, по которому можно было скорѣе и легче добраться до неизвѣстныхъ мѣстъ. Черезъ два мѣсяца достигъ онъ города Дынь-юань-инъ, гдѣ нашелъ радушный пріемъ у старыхъ знакомыхъ, алашаньскихъ князей. Пополнивъ запасы, онъ отправился отыскивать истоки Желтой рѣки, одной изъ самыхъ большихъ рѣкъ въ мірѣ, воды которой орошаютъ половину Китая. Найдя ее истоки, у которыхъ еще не былъ ни одинъ европеецъ, и увѣковѣчивъ дѣятельность экспедиціи въ этихъ мѣстахъ, назвавъ озера, образуемыя Желтой рѣкой, — одно — озеромъ Экспедиціи, а другое — Русскимъ, Николай Михайловичъ отправился въ Тибетъ. Приходилось итти все время страною, населенною племенемъ тангутовъ. Тангуты походятъ на тибитцевъ, только выше ихъ ростомъ и коренастѣе. Они также одѣваются, также занимаются скотоводствомъ, но нѣкоторые еще сѣютъ и ячмень; такія поля можно видѣть близъ кумиренъ. Тангуты храбрѣе тибетцевъ и часто дѣлаютъ набѣги на сосѣдей и грабятъ идущіе въ Тибетъ караваны. Изъ-

за проливныхъ дождей всѣ рѣки и ручьи были переполнены водой, и походъ былъ очень тяжелъ: животныя и лошади, а въ особенности верблюды едва вытаскивали ноги изъ грязи, оружіе ржавѣло, одежда и войлоки, замѣнявшіе все время постели, промокали насквозь. Кромѣ того приходилось быть все время на сторожѣ, потому что однажды ночью на стоянкѣ стрѣляли изъ-за сосѣднихъ холмовъ, а другой разъ дежурный казакъ заслышалъ вдали конскій топотъ и немедленно разбудилъ весь отрядъ. Схвативъ винтовки, всѣ выскочили изъ палатокъ и, подпустивъ врага совсѣмъ близко, встрѣтили его огнемъ. Разсчитывавшіе напасть врасплохъ, тангуты бросились назадъ, подобравъ, однако, убитыхъ и раненыхъ, такъ какъ по ихъ повѣрію, если не привезти тѣла убитаго домой, то душа его будетъ мстить всему хошуну, т. е. деревнѣ. Черезъ нѣсколько дней разбойники опять напали, но на этотъ разъ днемъ. Замѣтивъ ихъ во-время, караванъ успѣлъ приготовиться къ защитѣ Словно туча неслась толпа всадниковъ; какъ частоколъ мелькали ихъ пики, и по вѣтру развѣвались ихъ черные волосы и черныя длинныя одежды. Подпустивъ ихъ шаговъ на пятьсотъ, Пржевальскій скомандовалъ залпъ, а затѣмъ бѣглый огонь. Толпа

тѣмъ не менѣе все неслась. Но вотъ отъ мѣткой пули сначала упалъ ихъ начальникъ, затѣмъ свалились еще многіе, въ толпѣ произошло замѣшательство, а нѣсколько минутъ спустя, вся шайка уже повернула и, наспѣхъ подпимая упавшихъ, поскакала назадъ. Отъѣхавъ нѣсколько сотъ шаговъ, разбойники однако остановились и залегли за холмами. Оставить такихъ сосѣдей на ночь было немыслимо, и потому, отобравъ нѣсколько казаковъ и приказавъ имъ дежурить у стоянки, Пржевальскій съ остальными своими спутниками двинулся на враговъ Видя ихъ приближеніе, тангуты бросились къ лошадямъ и моментально разсыпались въ разныя стороны. Цѣлую ночь караванъ ожидалъ внезапнаго нападенія, но опасенія его оказались напрасными: полученный днемъ урокъ отбилъ у тангутовъ охоту нападать на русскихъ. Оправившись отъ этого приключенія и отдохнувъ, путники двинулись дальше, но тутъ ихъ посѣтила новая невзгода: отъ трудностей пути, сырой погоды и изъ за болотистой почвы стали падать и болѣть верблюды. Итти дальше значило потерять верблюдовъ, а съ ними и всѣ запасы, которыхъ не увезти было на однѣхъ верховыхъ лошадяхъ. Безъ запасовъ же впереди — голодная смерть. Приходилось снова

возвращаться, и Николай Михайловичъ, скрѣпя сердце повернулъ назадъ. Но и на этотъ разъ возвращался Пржевальскій не съ пустыми руками. Возвращаясь, караванъ вышелъ на старый путь на озеро Лобъ-Норъ, куда Пржевальскій ходилъ во второе свое путешествіе. Здѣсь онъ занялся провѣркой и пополненіемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя были добыты имъ въ первое его пребываніе на Лобъ-Норѣ, и остался очень доволенъ полученными результатами. Населеніе встрѣчало русскихъ дружелюбно тамъ, гдѣ караванъ появлялся неожиданно, и гдѣ китайскіе чиновники не успѣли возстановить народъ противъ русскихъ Разъ чиновники научили проводника вести караванъ черезъ засѣянное поле, чтобы потоптать его. Тогда при ночлегѣ Пржевальскій собралъ жителей той деревни, гдѣ было потоптано поле, и заплатилъ за потравку, а проводника велѣлъ наказать при всѣхъ. Не довольствуясь такими продѣлками китайцы разсказывали про русскихъ всякія небылицы, будто они въ ящикахъ, гдѣ лежали собранныя растенія, шкуры и чучела птицъ и звѣрей, добытыя въ неизвѣстныхъ странахъ, везутъ засушенныя тѣла солдатъ и т. под. Но не смотря на всѣ козни, караванъ благополучно достигъ русской земли. Въ тотъ же

день вечеромъ, передъ отходомъ ко сну, Николай Михайловичъ прочелъ своему экспедиціонному отряду слѣдующій прощальный приказъ.

«Сегодня для насъ знаменательный день: «мы перешли китайскую границу и вступили «на родную землю. Болѣе двухъ лѣтъ минуло «съ тѣхъ поръ, какъ мы начали изъ Кяхты «наше путешествіе. Мы пускались тогда вглубь «азіатскихъ пустынь, имѣя съ собою лишь «*одного союзника*—отвагу; все остальное стояло «противъ насъ: и природа и люди. Мы жили «два года какъ дикари, подъ открытымъ не«бомъ, въ палаткахъ или юртахъ, и перено«сили то 40 градусные морозы, то еще боль«шія жары, то ужасныя бури пустыни. Ко «всему этому по временамъ добавлялось не«дружелюбіе, иногда даже открытая вражда «туземцевъ: вспомните, какъ на насъ дважды «нападали тангуты въ Тибетѣ, какъ постоянно «обманывали монголы Цайдама, какъ лице«мѣрно враждебно вездѣ относились къ намъ «китайцы. Но ни трудности дикой природы «пустыни, ни препоны со стороны враждебно «настроеннаго населенія —ничто не могло оста«новить насъ. Мы выполнили свою задачи до «конца—прошли и изслѣдовали тѣ мѣстности «Центральной Азіи, въ большей части кото-

«рыхъ еще не ступала нога европейца. Честь «и слава вамъ, товарищи. О вашихъ подви-«гахъ я повѣдаю всему свѣту, теперь-же об-«нимаю каждаго изъ васъ и благодарю за «службу вѣрную—отъ имени Государя Импе-«ратора, насъ пославшаго, отъ имени науки, «которой мы служили, отъ имени родины, ко-«торую мы прославили».

Безпримѣрныя научныя заслуги Николая Михайловича по возвращеніи въ Петербургъ были прежде всего оцѣнены Государемъ Александромъ III. Пржевальскій былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ членомъ Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба. Не остались безъ наградъ и соучастники Николая Михайловича въ его экспедиціи, о соотвѣтствующемъ награжденіи которыхъ усиленно хлопоталъ самъ Николай Михайловичъ. За Высочайшею наградой вновь потянулся нескончаемый рядъ чествованій и шумныхъ овацій. Не по душѣ была Николаю Михайловичу вся эта суета, и онъ сбѣжалъ наконецъ отъ нея къ себѣ въ имѣніе. Но недолго высидѣлъ онъ и здѣсь; какъ вольной птицѣ, томящейся въ клѣткѣ, невыносима была для него спокойная жизнь, и онъ вновь, всѣмъ своимъ существомъ, сталъ стремиться къ простору пустыни. Наконецъ, выпустивъ въ

печать твою книгу «Отъ Кяхты, на истоки Желтой рѣки. Изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-Норъ по бассейну Тарима», онъ въ октябрѣ 1888 г. снова собрался въ путь. Но на этотъ разъ какое-то смутное предчувствіе невольно волновало его, и онъ зачастую ловилъ себя на мысли (и не разъ высказывалъ ее даже друзьямъ), что можетъ назадъ ему уже не суждено болѣе вернуться. Предчувствіе это оказалось роковымъ. Оканчивая послѣдніе сборы въ экспедицію, уже близъ китайской границы, въ маленькомъ городкѣ Караколѣ, онъ вдругъ случайно простудился на охотѣ и, схвативъ брюшной тифъ, слегъ. Семь лѣтъ скитаній по пустынямъ среди трудовъ и лишеній подорвали его могучее здоровье, и никакое лѣченіе помочь ужь не могло. Сознавая свой скорый конецъ, онъ наспѣхъ сдѣлалъ товарищамъ свои послѣднія распоряженія «Похороните меня,—сказалъ онъ между прочимъ,—непремѣнно на Иссыкъ-Кулѣ на берегу, но чтобъ не размыло водой. Надпись сдѣлайте просто. «Путешественникъ Пржевальскій». Утромъ 20 октября Николай Михайловичъ скончался. Окружавшіе его сподвижники его прежнихъ странствій громко рыдали подъ наплывомъ жгучаго искренняго горя. Такъ ушелъ

въ иную жизнь славный русскій путешественникъ, обогатившій ученый міръ своими изслѣдованіями далекихъ странъ, а отечество — доблестнымъ именемъ человѣка, который отважно и настойчиво шелъ туда, куда влекла его наука и слава Россіи.

Онъ вдругъ угасъ средь азіатской дали,
Въ странѣ степей песчаныхъ, горныхъ грядъ.
Когда всю Русь собою занимали
Его трудовъ и странствій цѣлый рядъ... *)

Нечего и говорить, что вѣсть объ этой безвременной и неожиданной кончинѣ человѣка, на котораго взиралъ весь ученый міръ, произвела повсюду удручающее впечатлѣніе. Но, если ученый міръ оплакивалъ въ лицѣ Пржевальскаго необыкновенно добросовѣстнаго и осторожнаго въ своихъ выводахъ «геніальнаго путешественника», научнымъ сообщеніямъ и изслѣдованіямъ котораго можно было безусловно и слѣпо вѣрить, то простые смертные оплакивали его, какъ гордость родины, а близкіе и друзья — какъ вѣрнаго друга, чистаго душой и правдиваго человѣка, умѣвшаго искренно и чистосердечно привязываться къ людямъ и способнаго на всякій высокій порывъ. И дѣйствительно, это былъ человѣкъ

*) И. Можайскій «Памяти Н. М. Пржевальскаго».

изумительно чистый, правдивый до наивности, по-дѣтски откровенный, не допускавшій ни лжи, ни измѣны, ни коварства, ни долгой злобы. Это былъ рѣдкій «товарищъ» и добрый, справедливый и заботливый начальникъ. Вспыльчивый по натурѣ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно добръ и отзывчивъ и этимъ подкупалъ въ свою пользу всякаго, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться въ жизни. Не мало друзей пріобрѣлъ онъ себѣ также какъ необыкновенно привлекательной внѣшностью, неподдѣльной привѣтливостью, такъ и своимъ недюжиннымъ умомъ и неисчерпаемостью интереса, который онъ всегда вносилъ въ свою бесѣду. И каждый, кто не завидовалъ ему, кончалъ тѣмъ, что или становился его близкимъ другомъ или дѣлался его горячимъ поклонникомъ. Такова была личность и такъ велико было обаяніе этого удивительнаго человѣка.

Его предсмертная воля была исполнена: его похоронили на берегу озера Иссыкъ-Куля. Пять мѣсяцевъ спустя—11 марта 1889 г.—Государь Императоръ приказалъ переименовать городъ Караколъ въ Пржевальскъ для увѣковѣченія въ Средней Азіи памяти Николая Михайловича, а въ слѣдующемъ году—1890—тамъ же, на рубежѣ русской

земли, отъ киргизской степи, гдѣ не разъ ступала нога этого неутомимаго изслѣдователя, на мѣстѣ его скромной могилы, на крутомъ обрывистомъ берегу Иссыкъ-Кула у подножія исполинской стѣны Тянь-Шаня поставленъ памятникъ: одиноко высится тамъ сложенная изъ большихъ глыбъ мѣстнаго мрамора скала, а на вершинѣ ея — бронзовая фигура орла съ развернутой картой Азіи подъ когтями и съ оливковой вѣтвью въ клювѣ—знакъ мирныхъ завоеваній науки въ этой части свѣта. На лицевой сторонѣ въ скалу вдѣлана огромная медаль съ надписью надъ нею: «Николай Михайловичъ Пржевальскій», а ниже: «первый изслѣдователь природы Центральной Азіи». Но и безъ этихъ двухъ памятниковъ громко и памятно имя Пржевальскаго каждому русскому: «Есть счастливыя имена--сказалъ въ своей рѣчи К. С. Веселовскій въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ 29 декабря 1886 г.,—имена, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ и общеизвѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго. Врядъ-ли на всемъ необъятномъ пространствѣ земли русской найдется хоть одинъ сколько нибудь образован-

ный человѣкъ, который бы не зналъ, что это за имя. Имя Пржевальскаго будетъ отнынѣ синонимомъ безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природой и людьми и беззавѣтной преданности наукѣ».

СВѢТОВЫЯ КАРТИНЫ КЪ НАСТОЯЩЕМУ ЧТЕНІЮ

(для школъ и народныхъ аудиторій).

1) Памятникъ Пржевальскому въ Петербургѣ.
2) Видъ на рѣкѣ Амурѣ.
3) Видъ Владивостока.
4) Видъ степи Гоби, или Шамо.
5) Великая китайская стѣна.
6) Монголы.
7) Монгольская юрта.
8) Пекинъ.
9) Китайскій мандаринъ.
10) Кумирня Чейбсонъ.
11) г. Кульджа.
12) Озеро Лобъ-Поръ.
13) Буря въ пустынѣ.
14) Горы Тянь-Шань.
15) Типы цайдамскихъ Монголовъ.
16) Типы племени Егграевъ.
17) Тибетцы.
18) Горный быкъ-якъ.
19) Типы Тангутовъ.
20) Портретъ Н. М. Пржевальскаго.
21) Памятникъ въ Пржевальскѣ.

Картины къ настоящему чтенію можно получить изъ Коммисіи.

Проэкціонные фонари и принадлежности къ нимъ.

Коммисія народныхъ чтеній, желая облегчить своимъ заказчикамъ выборъ проэкціонныхъ фонарей и принадлежностей къ нимъ, остановилась на трехъ типахъ фонарей, могущихъ удовлетворить какъ самымъ скромнымъ, такъ и болѣе значительнымъ требованіямъ. Коммисія считаетъ, что всякій даже дешевый фонарь съ порядочной оптической системой (объективомъ и конденсаторомъ) можетъ вполнѣ замѣнить самый дорогой аппаратъ, если источникъ свѣта будетъ достаточно ярокъ и совершененъ; поэтому особенное вниманіе слѣдуетъ обращать на выборъ освѣщенія для фонаря. Складъ рекомендуетъ вмѣсто хлопотливаго и далеко не совершеннаго керосиноваго освѣщенія спирто-калильное, и, гдѣ есть токъ, электрическое освѣщеніе. Нѣсколько большая затрата на такого рода освѣщеніе вполнѣ окупится удобствомъ обращенія и хорошими результатами въ свѣтовомъ отношеніи.

Желающимъ, помимо указаныхъ источниковъ освѣщенія, складъ можетъ доставлять и иные (Вольтова дуга и пр.).

Фонари цѣною 18 р., 25 р. и 45 р. (См. каталогъ Коммисіи, высылаемый безплатно).

2007051019